

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(съ приложеніемъ семи таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

изъ (горы) Байкуль. Кромѣ зданія купола тамъ нѣтъ другихъ развалинъ; или здѣсь былъ городъ, исчезнувшій безслѣдно, или послѣ того, какъ Джагатай убилъ шейха, надъ его головой возвели эту постройку».

Дѣло въ томъ, что на Текесѣ не существуетъ никакихъ преданій о мѣстѣ погребенія Юсупа Секаки. Приурочиваютъ его къ Кальджату, отъ котораго или отъ могилы Секаки р. Текесъ отстоитъ въ двухъ дняхъ пути. Горы Байгуль мы также не нашли; на всѣ распросы мѣстные жители отвѣтили невѣдѣніемъ. Есть рѣка Баянколь у выселка Охотничьяго или Нарынкола¹⁾.

Н. Пантусовъ.

Армянскія слова въ грузинскихъ Дѣянїяхъ Пилата.

Апокрифистическій интересъ представляетъ чтеніе въ великую пятницу *Память о страстяхъ и смерти нашего Спасителя Иисуса Христа*, сочиненіе еврея Ананїи, имѣющееся въ рукописи, приблизительно XIII-го вѣка, Церковнаго музея грузинскаго экзархата въ Тифлисъ, № 70²⁾. *Дѣянїя Пилата* съ весьма архаичнымъ языкомъ и арменизмами открыты и списаны И. А. Джаваховымъ по лучшей рукописи на Синаѣ (см. *Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ и въ Иерусалимѣ*, стр. 20), и по существу этого памятникъ древне-грузинской письменности я не буду, конечно, касаться. Но недавно въ Москвѣ, какъ мнѣ передавали, А. С. Хахановъ ознакомилъ членовъ Археологическаго общества съ тѣми же *Дѣянїями Пилата* по какой-то грузинской рукописи, причемъ докладчикъ поторопился высказать мнѣніе, что памятникъ переведенъ съ греческаго.

1) [Абу-Якъубъ Юсуфъ ибнъ Абу-Бекръ Секкаки родился въ 555, умеръ въ 626 г. х.; см. о немъ мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествїя», ч. I, стр. 130 (текстъ Джемали Карши); *حبيب السیر* Хондемира, тегер. изд. III, 28; C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, I, 294—296. Статья Н. Н. Пантусова интересна въ бытовомъ отношенїи, но подлинность гробницы Секкаки остается сомнительной; изъ словъ самого автора (стр. 021) видно, что гробница приурочена къ этому святому не народнымъ преданїемъ, а мнѣніемъ современнаго книжника, которому имя Юсуфа Секкаки было извѣстно только изъ книгъ, вѣроятно, изъ *Тарихи-Рашиди*. В. Б.].

2) лл. 304 b² — 313 b²: სკითხვი ვნებისთვის და სეუღლისა მასკსენეული მცხოვრისა სუენისა იესუ ქრისტესი. თქმული ანანა ენაველისა (sic). **Нач.**: სამეთუ ვცან უფლის სუენისა იესუ ქრისტესი წინათა ვან სანდროთათა და სანქსენეებოთა ევლსკოდგანედ ებწრათუ და ადესწერენ მასკსენეული. და აგი თქენს ქუბათა ვნათისათუ სანდროელისა (sic) პილატესსე მსვეულისა ბრამელი იგი აღწერა სიკადემოს წინათა ენაველიათა. სიღათ მე ეარამოქსწერე წინათა ბენაქლიათა სცინობელიდარ უოველიათ. თუსი ანა და კათავა სიუეს და დედესი. ვამლოელ. იუდა. აღე...

словѣ можетъ оказаться особенностью позднѣйшихъ грузинскихъ списковъ. Въ древней синайской рукописи тоже слово читается съ *au*: *დაუეი* *daui-i*¹⁾.

3) კარანი *kağan-i* (305 a², 12-13: *ქრქუ მათ ჰელატე*. «ვითარ შემსლებელ ვარ მე კარანი. განკითხვად მეუფისა, 305 a²: რამეთუ გზადის შენ კარანი).

По контексту слово должно означать *судью* (მსჯეული, ср. начало и цитату подъ *ჰსესეკი*), *правителя*. Слово это встрѣчается на грузинскомъ и въ другихъ памятникахъ, такъ напр. въ III-ей книгѣ Ездры, откуда цитуетъ его Сулханъ Орбелиани съ толкованіемъ *მოსქმენი чиновники*. Чуб.¹ его опустил. Толкованіе Сулхана, повидимому, основано на созвучіи этого слова съ перс. *ك* *kāg* *дѣло*, такъ какъ *მოსქმე* буквально значить *занятый дѣломъ*, потомъ *чиновникъ*. Но на самомъ дѣлѣ въ грузинскомъ *kağan* мы имѣемъ армянскую причастную форму на ап отъ глагола *կարեմ* *могу*, *я властенъ*, и означаетъ *властителя*, *владѣтеля*, *князя*, ср. *ჩქარან* *князь* отъ *ჩქარեմ* *я могу*. На грузинскомъ имѣется родной эквивалентъ слова: *ველმოფი*, которое также представляетъ причастную форму, гесп. *poem actoris*, отъ глагола *ველმოფიბის* *можетъ*, *онъ властенъ*. Теперь *ველმოფი* употребляется въ значеніи *государя*, но въ древне-грузинскомъ оно значить то же, что на армянскомъ выражаетъ *ჩქარან* или нашъ *կարան*. Потому-то, напр. правленіе самого Пилата называется *ველმოფიობა* въ *Сказаніи о построеніи первой церкви въ городѣ Лиддѣ* (Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи II, стр. 26, 7-8). Но въ дошедшихъ до насъ памятникахъ армянской литературы это слово *կարան* весьма рѣдкое. Если бы не одно изданіе 1901-го года, ученые, склонные признавать въ армянскомъ только то, что сохранили неусиѣвшія погибнуть сочиненія, смѣло могли бы сказать, что такого слова не было въ древне-армянскомъ. Но въ 1901-мъ году появилось въ печати *Գիրք թղթոց* (Тиф-лись), собраніе древне-армянскихъ писемъ церковнаго содержанія. И здѣсь имѣется *կարան* *владѣтель* въ составѣ титула одного князя; издателемъ титулъ цѣлкомъ принятъ за собственное имя, почему онъ и помѣщенъ въ указателѣ именъ (стр. 547). Не понимали этого титула и переписчики, и онъ искаженъ уже въ рукописяхъ, причемъ у историка Ухтанеса, приводящаго тѣже письма, титулъ бываетъ еще болѣе измѣненъ и иногда соединенъ съ именемъ князя Гигъ (ср. грузинское Гиго), также искажаемымъ въ Гегъ по сходству армянской буквы *ե* с е съ *ի*. Титулъ же появляется въ формахъ: *Դաշտկարին* *Dastəkarin* (109, 4: *Գիգ Դաշտկարին*

1) Это соотвѣтствие грузинскаго *au* армянскому *aw* представляетъ любопытную параллель къ формамъ иного, культурно-интереснаго, слова: *arqau* и *arqawn* (< *ἀρχων*), если *arqau* (аркауи) дѣйствительно греческаго происхожденія (Н. Марръ, *Аркауи* и пр., стр. 62).

Гигъ, владѣтель Дашта), *Դաշտկարեն* Даштəкарен¹⁾ (150, 2: *Գիգ Դաշտկարեն* *Гигъ, владѣтель Дашта*) и *Դաշտկարան* Даштəкаран (108, 2 (въ загл.), 149, 3²⁾, 151, 9³⁾, 170, 2⁴⁾: *Գիգայ Դաշտկարանի* *Гига, владѣтеля Дашта*, 168, 4⁵⁾: *Ի Գիգայ Դաշտկարանէ օտջ Գига, владѣтеля Дашта*). Правильна послѣдняя форма: *Դաշտկարան* Даштəкаран, но и она стянута или изъ *Դաշտակարան* Даштəкаран, что находимъ и у Ухтанеса (стр. 64, 6), или, что будетъ болѣе архаично, изъ *Դաշտու կարան* Дашту каран⁶⁾. Понятно, «каран»омъ, т. е. владѣтелемъ или правителемъ Дашта былъ не одинъ Гигъ. Себѣозъ называетъ другого «каран»а Дашта: Варазд Нерсеа (140, 1-2, гдѣ *Դաշտկարեն* вм. *Դաշտկարան*). И, конечно, не одни правители Дашта назывались «каран»ами, какъ то ясно изъ употребленія этого термина въ грузинскихъ *Дьячіяжъ Пилата*.

4) *Յսեյնէցո* pasenak-i (305 a², 14: *Սեյսեցոյ Երտես Յսեյնէցէ* *და ճրթէս Հմա*). «Սեյսեցոյ Երտես Յսեյնէցոյ Երտես... 305 b¹: *Սեյսեցոյ Երտես Յսեյնէցոյ Երտես... 305 b¹*: *Սեյսեցոյ Երտես Յսեյնէցոյ Երտես... 305 b², 7, 305 b², 23: ճրթէս Յսեյնէցոյ Երտես Յսեյնէցոյ Երտես... 305 b², 25-26, 28-29, 306 a², 22, 26-27, 306 b¹, 9-10).*

Слово это знаетъ Сулханъ Орбелиани въ формѣ *Յսեյնէցո* pasenak-i изъ *Հմտիա զ. Կարան*⁷⁾. Въ этомъ памятникѣ (изд. Такайшвили, стр. 33, 21-22), дѣйствительно, находимъ его въ формѣ *Յսեյնէցո* pasanik-i. Издатель приводитъ варианты *Յսեյնէցո* pasanig-i⁸⁾. Сулханъ Орбелиани тол-

1) Ухтанестъ, 1871, II, 33, 2: *Գիգ Դաշտկարեն*.

2) Ухт. II, 32, 3: *Գիգայ Դաշտկարեն*.

3) Ухт. II, 37, стр. 64, 6: *Գիգայ Դաշտկարենի*.

4) Ухт. II, 56, 2: *Դաշտկարեն* (имя Гигъ опущено).

5) Ухт. II, 55, 4: *Ի Դաշտկարեն* (имя Гигъ опущено).

6) О догадкахъ Brosset см. *Deux historiens arméniens, Kiracos de Gantzac, XIII-e s., Histoire d'Arménie; Oukhtanès d'Ourha, X-e s., Histoire en trois parties*, СПб. 1871, стр. 310 — 311.

7) Чуб.¹ исказилъ его въ *Յսեյնէցո* pasenak-i и переводить словомъ *адьянтантъ*.

8) *Յսեյնէցո* pasangman, дат. мѣстоименный, чтение списка царницы Марии, представляеть сокращенную подъ титломъ форму, хотя и съ пропускомъ титла вм. *Յսեյնէցո* pasanag-man или *Յսեյնէցո* pasanig-man. Разночтеніе *իսեյնէցո* hasanig-i (напр. *Грузинскій рай*, стр. 134, 24) объясняется сходствомъ грузинскихъ буквъ ի և հ.

куеть его грузинским წინაშე დგომული *sluga* (ср. بیشکار), букв. *стоящий впереди*. Судя по цитатамъ, рѣчь, несомнѣнно, о *слушъ, сторожъ, страженикъ*. Յևեյնձո *rasenak-i* или Յևեյնձո *rasanak-i*, каковыми могутъ быть болѣе правильныя формы слова, *страженика* и можетъ означать. Յևեյնձո *rasenak-i*, т. е. форма съ е вм. а, можетъ быть результатомъ смѣшенія инициальнаго е съ инициальнымъ а еще на армянской почвѣ (ср. выше Կարեն вм. Կարան), если это не діалектическая армянская разновидность. Впрочемъ и Յևեյնձո *rasanak-i* также предполагаетъ діалектическую армянскую форму, сохранившую s вм. h, какъ и въ персидскихъ словахъ съ той же основой въ составѣ: پاسبان *стража, ночная стража, страженикъ*, پاسبان *страженикъ*. Потому-то здѣсь нѣтъ основанія, да и надобности говорить о томъ, что s вм. h вызвано смѣшеніемъ соответственныхъ начертаній¹⁾. Болѣе того, самую форму этого слова хотя бы и съ перебоемъ s въ h дошедшее до насъ армянскіе памятники сохранили не въ архаичной формѣ * պահանակ **rahanak*, а въ вульгарной, съ ослабленіемъ а: պահակ *rahnak* *страженикъ* (ср. պահանորդ *rahanord* и պահնորդ *rahnord* *страженикъ*).

Перечисленные слова къ архаическимъ заимствованиямъ, относящимся къ эпохѣ первоначальнаго единенія армянской и грузинской церкви, трудно отнести: 1) въ числѣ ихъ имѣемъ დგაოյ *dgaoj-i*, гесп. დგოյ *dgoj-i*, съ явно позднѣйшимъ армянскимъ вульгарнымъ явленіемъ, переходомъ շ въ j, 2) сами памятники грузинской письменности, въ которыхъ мы встрѣчаемъ ихъ (*Толкованія* Ипполита, *Житіе св. Нины*, *Дянія Пилата*), въ наличныхъ ихъ редакціяхъ, конечно, не относятся къ первымъ по времени литературнымъ произведеніямъ на грузинскомъ или армянскомъ языкѣ.

Разъ однако дѣло имѣемъ съ группою заимствованій послѣдующаго періода, хотя и до X-го вѣка, то могутъ возникать серьезныя возраженія противъ того, чтобы признать ихъ перешедшими въ грузинскій языкъ письменнымъ путемъ въ записности отъ армянскаго подлинника, такъ какъ въ послѣдующій періодъ — а) въ армянской литературѣ вм. Կարան *каган* встрѣчаемъ իշան *ishan*, такъ въ соответствующихъ мѣстахъ самихъ *Дяній Пилата*, напр. $\text{Անանն զիրր նոր կապարանաց}$ стр. 314, 24, а բուհ и * պահանակ замѣщены другими, не говоря о нелитературности формы *dgaoj* или *dgoj*, б) въ грузинской литературѣ уже были граждан-

1) Настоящая замѣтка была сверстана, когда я попалъ на соответственную персидскую форму слова *rasānig* при чтеніи манихейскихъ текстовъ (Dr. F. W. K. Müller, *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan*. II, 1904, стр. 80, К. Г. Залеманъ, *Die Texte*, № 3,7).

ственные равнозначущія чисто грузинскія слова, и напр. вм. კაგან-ი kağan-i мы ожидали бы კელმტიჟეუ qelmtiḟeū.

Слѣдовательно, надо заключить, что эти заимствованія имѣлись въ живой грузинской рѣчи самихъ переводчиковъ или авторовъ сочиненій съ подобными характерными арменизмами. Само собою понятно, что грузинскіе говоры съ такими армянскими элементами могли находиться лишь на рубежѣ съ Арменією. Таковъ былъ говоръ между прочимъ и въ Тао-Кларджетіи, какъ уже выяснялось мною въ докладѣ, *Аркауи, монгольское названіе христіанъ, въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ*. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что хотя дошедшіе до насъ армянскіе памятники рѣдко или вовсе не сохранили этихъ словъ, но они всё могли быть гражданственны въ древне-армянской литературѣ, если не въ національно-церковной, то въ халкедонитской, каковая, судя по всему, также существовала. Любопытно, что и тѣ немногіе памятники, въ которыхъ сохранилось такъ или иначе слово *царь* kaḡan, касаются халкедонитскихъ споровъ, и авторы ихъ, по всей вѣроятности, пользовались халкедонитскими источниками.

Итакъ, насколько можно судить по объясненнымъ рѣдкимъ словамъ, *Дьяніа Пилата* на грузинскій языкъ переведены писателемъ такого района, какъ напр. Тао-Кларджетскаго, гдѣ живая грузинская рѣчь заключала въ себѣ арменизмы, воспринятыя устнымъ путемъ. Потому-то возможно, что непосредственный подлинникъ грузинскаго текста былъ греческій. Но возможно и то, что именно занявшія насъ армянскія слова, рѣдкія или вовсе отсутствующія въ памятникахъ армянской національно-церковной литературы, были обычны въ армянской же письменности, по халкедонитской. Въ такомъ случаѣ непосредственнымъ подлинникомъ грузинскаго перевода *Дьяніи Пилата* пришлось бы признать армянскій текстъ.

Вотъ на эти двѣ возможности и хотѣлъ я указать. Лишь обстоятельное сравнительное изученіе грузинскаго текста *Дьяніи Пилата*, да еще ряда другихъ отреченныхъ памятниковъ выяснитъ, которая изъ двухъ возможностей ближе къ истинѣ. Болѣе глубокое изученіе, притомъ по существу, интересующей насъ отреченной литературы необходимо еще потому, что къ созданію ея прикосновенны манихейцы; манихейство же было сильно распространено среди армянъ, и приверженцы его могутъ оказаться виновниками перваго появленія подлежащихъ апокрифовъ въ Арменіи и, пожалуй, также въ Грузіи. Ближайшее знакомство съ ново-открытыми памятниками манихейской письменности направляютъ мысль въ эту сторону.